

УДК 930.85
ББК 71.1
DOI 10.25281/2072-3156-2017-14-5-532-539

В.К. ЕГОРОВ

О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПОЛИТИЗИРОВАННОЙ ИСТОРИИ

Владимир Константинович Егоров,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Институт государственной службы и управления,
кафедра ЮНЕСКО,
заведующий
Вернадского просп., д. 84, Москва, 119606, Россия

доктор философских наук, профессор
E-mail: vk_egorov@mail.ru

Реферат. *Статья посвящена проблемам преемственности в истории и российском культурно-историческом процессе. Рассматриваются концепции и взгляды, в которых предпочтение отдается политике, политизируется история в целом. Утверждается, что для России характерно отсутствие единства в историческом, цивилизационном развитии, рациональных начал в культуре и культурная изолированность, следствием чего особое, часто доминирующее значение имеют радикальные реформы, революционные разломы, разрывы исторического процесса, нет преемственности в традициях. При этом большая значимость придается реформам Петра I и Октябрьской революции 1917 года. Однако при должном внимании к проблемам отечественной*

культуры, национальной психологии, особенностям взаимодействия культуры и религии, сам культурно-исторический процесс предстает в более целостном виде, корректируя односторонние расхожие суждения о прошлом. Выделены сюжеты в отечественном культурно-историческом процессе, в политической истории страны, связанные с принципиальными моментами становления и развития культурной политики, государственно-церковных отношений, искусства в имперский период российской истории.

Ключевые слова: история, культура, культурологическая экспертиза, политика, политизированная история, искусство, культурно-исторический процесс, цивилизация, традиции и новации, преемственность развития.

Для цитирования: *Егоров В.К. О культурологической экспертизе политизированной истории // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 5. С. 532–539. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-5-532-539.*

Преимущественное внимание к политической истории отодвигает культурно-исторический процесс на второй план. Политические предпочтения формируют и оценки ключевых поворотов истории. В России это —

Петровские реформы и Октябрьская революция. В связи со 100-летием Октября возрос интерес к проблемам преемственности и разрывов в цивилизационном развитии страны. При этом следует заметить, что многое в понимании первого исторического поворота дает пищу для размышлений и над вторым.

Есть заключения, согласно которым, например, в петровскую эпоху «России предстояло отказать от чувственного русско-православного миропонимания и пойти по пути рационального восприятия мира» [1, с. 255]. Отмечаются две линии преобразований: секуляризация и развитие рыночных отношений, капитализма. Но что же есть рациональность? Каковы причудливые пути преемственного развития и есть ли отличия между переломами и разломами в истории? Что общего и особенного в российском и «западном» культурно-историческом процессе и включенном в него процессе политическом?

С позиций философии истории, культуры «всякая концепция строится на историко-культурной почве, которая принадлежит не только ей, но и многим другим концепциям... Отдельные рациональности существуют не как монады... они характеризуются многочисленностью переплетений с другими рациональностями. Это означает, что существует не только множество типов рациональности, но и широкий спектр переходов между ними, который, в свою очередь, имеет высокую степень дифференциации» [2, с. 414]. Развитие цивилизации, жизнь общества, деятельность государства, его внутреннюю и внешнюю политику, межнациональные, межрелигиозные отношения, пронизывают различные типы рационального и иррационального, в своеобразных комбинациях, не одинаково проявляясь на отдельных этапах истории, даже в одной стране и особенно такой многоликой, как Россия.

Понятие «современность» в философии обозначает «проблемную ситуацию, в которой оказываются общества вследствие подрыва и распада того строя высших ценностей, которые ранее легитимировали их порядки... <...> ...История современности не есть история направленного и детерминированного прогресса, хотя она нередко воспринималась в качестве таковой (в либеральных и марксистских идеологиях), когда абсолютизировались некоторые исторически складывавшиеся кластеры и относительно устойчивые сочетания их элементов...» [3, с. 587].

Мы имеем основательно написанную политическую историю России, акцентированную на государственном устройстве, социально-экономических преобразованиях, внешней политике и военном деле. Культура же предстает, как правило, лишь в качестве сюжетов. Но такая «подача

материала» влечет за собой и переакцентировку, и искажения. Если обратиться, например, к фундаментальной «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева [4], нельзя прийти к выводам, что при Петре «прервалась связь времен». С.М. Соловьев в очевидно прозападных действиях императора не усматривал ничего, что было бы направлено против основ Московской Руси, отмечал прежде всего выраженный патриотический императив, которым была пронизана вся политика по преодолению отставания. Стать Европой для Петра не было перестать быть Россией. А, скажем, в секуляризации, борьбе с церковью за единовластие он не видел ничего антирелигиозного, антиправославного — в действиях глубоко верующего царя этого не было¹. Великий историк выделял позицию М.В. Ломоносова, который «любит обращаться к прошедшему России, не внося вражды» между прошлым и будущим страны [4, кн. 12, т. 23, с. 246]. В.О. Ключевский резюмировал: петровская реформа «была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и по впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников» [5, т. 4, с. 202]. Можно сказать, что политический радикализм первого императора укладывался в рамки эволюционного развития отечественного культурно-исторического процесса.

Политика Петра Великого, конечно, оказала более чем серьезное влияние на всю национальную жизнь. Культура (не только светская, но и церковная) не явилась исключением. В культуре шло естественное развитие, но с более основательным, чем когда бы то ни было, обращением к иноопыту — традициям, стилистике, веяниям европейской культуры, искусства, образования. Вместе с тем Русь, будучи особым культурным материком, никогда не была уникальным культурным островом, культурно изолированной страной, являя собой часть христианского мира. С его расколом «законодательно» оформленные различия в церковно-религиозной догматике были одним из оснований или прикрытием отношений между христианскими же государствами. Разногласия были и до, и после Петра.

Любая национальная культура — это типы, виды, формы организации жизни и деятельности народа, различных групп населения, особенности взаимоотношений между людьми и, конечно, создаваемые ими материальные и духовные ценности. Реформы Петра революционно не разрывали ход истории, в отличие от 1917 г., отбрасывающего тень на многие политологические экскурсы в более ранние периоды нашего прошлого.

¹ См.: [4, кн. 8, т. 15, с. 19, 74–76; кн. 8, т. 16, с. 322, 510, 526–530, 545–548; кн. 9, т. 17, с. 103–104, 111, 175; кн. 9, т. 18, с. 486–500; кн. 11, т. 22, с. 516].

Сегодня мы находимся на важном этапе философско-научного переосмысления истории и современности. Несущие конструкции, на которые десятилетия опирались теории всемирного прогресса, потеряли прочность. Догматы, питавшиеся, в конечном счете, веберовскими представлениями о развитии капитализма, толкуются уже иначе. Например, голландские ученые Ш. Бегельсдейк и Р. Маселанд среди выводов, концепций, наполняющих западную науку, выделяют те, что базируются на признании особого места культурно-ментальных оснований в экономическом, социальном, политическом развитии [6]. По их мнению, ранее «западные державы могли легитимизировать свое господство тем фактом, что они олицетворяли универсально желательный, рациональный, цивилизованный тип поведения и мышления» [6, с. 51]. Далее: «Всесторонний культурный подход к изучению экономических явлений со временем стал считаться релевантным только в отношении не западных, развивающихся обществ. <...> Конечно, экономическое развитие несет с собой культурные изменения, но опыт католической, протестантской, православной, исламской или любой другой религиозной традиции порождает культурные зоны, которые сохраняются независимо от влияния экономического развития» [6, с. 66, 75]. Принципиально важно, что «рациональность — это универсальное качество, но результаты рационального принятия решений в разных культурах различаются» [6, с. 149]. Представление о противостоянии экономики и культуры «уходит корнями в сопротивление идее прогресса в период романтизма... чтобы защититься от унифицирующего натиска искусственной цивилизации. Впоследствии под влиянием империализма это противостояние стало ассоциироваться с дихотомией “Запад — весь остальной мир”. Запад состоял из цивилизованных, рациональных агентов, а остальным миром правили иррациональные коллективные традиции» [6, с. 379].

В огромном количестве написанного о России в пределах «связок» «Запад — Восток», «рациональное — иррациональное» немало просто нелогичного. Так, при обращении к вектору развития, определенному Петром, к синодальному периоду, как правило, «остается за кадром» очень важное в секуляризации: именно тогда было своеобразно устроено разделение властей — Сенат и Синод при верховенстве императора. Церковь была лишена самостоятельности, усиление светских начал в новой административно-государственной конструкции и место в ней церкви создали колею для весьма своеобразного развития. Произошло чуть ли не полное отождествление церкви с государством, что сыграло роковую роль и для церкви, и для государства, и для народа.

При описании реформ петровского времени и последующих эпох в многотомном «Курсе русской

истории» В.О. Ключевского мало говорится о значении своеобразной ликвидации патриаршества. Это является распространенным подходом в историографии. Хотя о церкви, месте религии в жизни страны, В.О. Ключевский конечно, писал. Он критически относился к церкви того периода. Из «Дневниковых записей» 1868 г.: «В православном обществе есть класс людей, занимающих невыносимое положение относительно церкви. Эти люди... истые дети своей церкви. <...> В глазах этих людей церковная жизнь и формулы церковного вероучения стали бессмысленными, по преданию, по привычке, установившимся переворачиванием великого содержания, завернутого в износившуюся оболочку... Им смутно чувствуется что-то чрезвычайно кощунственное в этой неподвижной правильности церковного порядка, и необходимость обновления сознается яснее и яснее» [5, т. 9, с. 287–289]. Описанные настроения распространялись, усиливались. А церковь, объединенная с властью, принимающая на себя грехи государства, но лишенная былых возможностей, оказалась к концу XIX — началу XX в. не в состоянии в условиях обострения социальных напряжений стать духовно-нравственной опорой общества и государства, она сама стала мишенью социально-политического раздражения, протеста. Параллельно власть два века занималась «западной» подготовкой интеллигенции, «против правительства, борющегося со своей страной, стал просвещенный на правительственный кошт патриот, не верящий ни в силу просвещения, ни в будущее своего отечества» [5, т. 9, с. 361]. Государство после Петра в течение всего имперского (синодального) периода истории умудрялось выстраивать губительные отношения с двумя важнейшими субъектами культурной и всей социально-политической жизни — церковью и интеллигенцией.

В многогранной теме «культура и политика» вопрос об интеллигенции особый [7]. В литературе чаще говорится о возникновении русской интеллигенции в ходе секуляризации. Однако, освобождая проблематику от излишней политизации, идеологизации, следует согласиться с мнением, что появление интеллигенции необходимо связывать с деятельностью первых просветителей из духовенства. Это были рядовые священнослужители, просвещавшие народ в соответствии с возможностями, представлениями времени и особенностями своего общественного служения. Из этой среды вышли и многие выдающиеся деятели культуры, науки, государственные деятели и революционеры. Начиная с Петра, как писал Г.Г. Шпет, власть взялась образовывать народ, вводя светское образование, утилитарно приспособленное к нуждам государства, «интеллигенцией русской... становится правительство и остается в этой роли больше ста лет» [8, с. 27]. А вот заключение Г.П. Федотова: «Нельзя забывать

в оценке русской интеллигенции, что она целое столетие делала общее дело с монархией. ...Она целый век шла с царем против народа, прежде чем пойти против царя и народа (1825–1881) и, наконец, с народом против царя (1905–1917)» [9, с. 421].

Но в этом есть не только известное упрощение, но и необъективность: из состава интеллигенции изымается ее самая значительная часть, занимавшаяся учением, просвещением, лечением, творчеством, не уходя в политику. По справедливому замечанию Р.В. Иванова-Разумника, в XIX в. у нас доминировали взгляды, шедшие от П.Л. Лаврова, считавшего интеллигенцию критически мыслящими личностями, «борющимися за определенные социально-этические идеалы и идущими к определенной цели» [10, с. 10]. И XX век, и наше время — не исключение. К слову, в среде политически активной интеллигенции всегда любили и любят обращаться к саркастическим замечаниям М.Е. Салтыкова-Щедрина о двух бедах России, придавая им метафорический смысл. При этом не упоминается, что в воззрениях самой политизированной интеллигенции, по его мнению, независимо от программ сочетаются «идеи прямолинейности с идеей всеобщего осчастливления» [11, с. 448]. Дело дошло до суждения А.И. Солженицына: необходимо пользоваться понятием «образованщина», поскольку понятие «интеллигенция» извращено, само слово «лучше признать пока умершим» [12, с. 45].

Время царствования преемников Петра, насыщенное борьбой вокруг трона, бесцветным правлением и заметными, выдающимися реформами, укреплением, расширением империи, было отмечено переключкой эпох. Отношение к традициям у разных императоров не было одинаковым. Можно сказать, что за секуляризацией как главным содержанием петровской модернизации, стояло, в том числе, отсутствие возможности и желания «изъять из русской культуры саму религиозность как таковую» [13, с. 158, 160]. Культурно-историческая традиционность, связанная не только с проблемами религии, доминировала в политике всех российских правителей. Большинство из них действовали так, потому что по-другому и не представляли, это было для них естественным, а Екатерина Великая, например, поступала так вполне сознательно, прежде всего, из стремления быть своей на русской земле.

Но именно начало XIX в. характерно акцентированным обращением власти к национальным истокам. Политика в культуре, начавшаяся при Николае I, была продолжена, разумеется, с вариациями, Александром II, Александром III, Николаем II. Основных причин повышенного внимания к традициям было две. Во-первых, наступили годы социальных и политических напряжений, потрясений: восстание декабристов (над которым витал дух Великой французской революции, слышались отзвуки

наполеоновского нашествия и заграничного похода русской армии), Польское восстание, десятилетия борьбы против революционного движения, часто принимавшего формы прямого террора. Налицо были внешнеполитические причины, вплоть до угрозы национально-государственному существованию, а первое за полтора столетия ощутимое военно-геополитическое поражение в Крымской войне усилило традиционалистскую мотивацию. Во-вторых, помимо политических пружин действовала и естественная для развития любой национальной культуры закономерность — периодическое усиление то одного, то другого «фантома» в извечной связке «традиционное — модерное», «традиции — новации».

Возможно, наиболее рельефно отмеченные проблемы высвечиваются в истории искусств. Но концентрация внимания на культурно-историческом процессе предполагает взгляд на то же искусство с позиции, хорошо сформулированной М.С. Каганом: «Обращение к истории изобразительного искусства не ради традиционно-искусствоведческого описания эволюции свойственных ему форм художественного творчества, а с целью историко-антропологического, историко-культурологического, историко-философского рассмотрения развития художественного самосознания, самооценки, самоосмысления и самопроектирования Человека, утверждающего интуитивно ощущаемое им сущностное единство своего Рода» [14, с. 36]. Это подход методологический, по-настоящему философский, безусловно, выходящий за пределы того, о чем писал ученый. Без такого понимания невозможна и культурология. Аксиоматично, культуру надо судить по законам культуры, политику — по законам политики и т. д. В культуре, искусстве трансформации происходят не только под давлением политики, вкусов и представлений «заказчиков», а по логике своего развития.

П.Н. Милюков, проследившая изменения, происходившие в течение столетий в культуре, искусстве, просвещении России, положил в основу своего понимания то, что в любой культуре именно законченность определенной идейно-стилевой эпохи приводит «к возврату художников к старым направлениям» [15, с. 97].

П.Н. Милюков выделяет основные содержательно-стилевые линии развития культуры, которые, так или иначе, вписываются в следующие ключевые суждения. В архитектуре, начиная с петровского времени, многое было всегда связано «с переменой вкуса на престоле», «говорить об оригинальности и новаторстве» русской архитектуры можно не сразу, шел процесс «создания национального стиля» через развитие его элементов, «поочередно торжествовали... господствовавшие на Западе художественные вкусы: барокко, рококо, классицизм

в римской и греческой форме», а с середины XIX в. налицо стремление «осуществлять новые архитектурные задачи» и «создать национальный стиль, отвечающий современным требованиям изящества и удобства...»; для живописи было характерно то, что после двухвекового «ордынского провала» «русское искусство порвало нить своего органического развития» и «послушно отдалось в ученье европейским мастерам», однако к середине XIX в. развитие изобразительного искусства «привело к образованию самостоятельной русской школы», выкристаллизовываются поиски связей с корнями, которые нередко демонстрировали «невиданную смесь византийской традиции с современной техникой»; обзревая дальнейшую историю, следует иметь в виду, что, например, «русским художникам не приходилось заимствовать у импрессионистов такие черты, как протест против академизма... Классицизм никогда не приобретал у нас такой исключительной силы, как на Западе... Новые течения не могли у нас встретить такого сопротивления со стороны традиции и не нуждались в таких компромиссах со старыми, как на Западе... открытия импрессионистов упали на благодатную почву»; что касается музыки, то, как и в изобразительном искусстве, налицо «тот же параллелизм развития в общих чертах и те же особенности в частности... сравнительно с развитием западной музыки... Параллелизм... сперва выражается в непосредственном подражании образцам, данным высшей культурой, а затем, после того как подражание принесло свой плод и вызвало самостоятельное национальное творчество, параллелизм становится результатом взаимодействия равноправных культур или, в более глубоком смысле, однообразия законов развития коллективной психики культурных народов»; имевшая место известная «изолированность от европейского хода развития музыки», помогла русской музыке «приобрести национальный характер и создать ценности, которые впоследствии... оказались имеющими мировое значение...»².

Таковы заключения из глубоких наблюдений и выводов над путями развития искусств как значимой и наиболее зримо предстоящей перед нами частью огромного явления — национальная культура.

Безусловно, в предложенный контекст — не искусствоведческий, а культурологический в широком смысле — необходимо вводить и проблематику преемственности в литературе: тематическую, жанровую, стилевую и т. п. Но это более разработанный пласт с особым местом феномена, именуемого «Пушкин», явившегося через столетие после Петра и объясняемого своими закономерностями. В целом к этой и близкой проблематике интерес постоянно

² См.: [15, с. 22, 25, 28–31, 50–51, 58–62, 68, 81–82, 132–133, 140–158, 177, 186–196].

растет. И за рубежом, и в России появляются работы, сосредоточенные на теоретических, методологических, частных научных и практических вопросах, связанных с феноменом «культурная память», действием механизмов самореализации «помнящей культуры», экзистенциальными скрепами символов культурно-национальной идентичности и т. д. [16–18]. Не трудно ожидать возможные опасения, что здесь налицо приближение к своего рода культурному (культурологическому, антропологическому и т. д.) детерминизму. Если, например, в марксизме с его экономическим детерминизмом политике отводилось место в надстройке общественного развития, то и в любом другом детерминизме ей место почти там же, «почти» потому, что не только политика, но и экономика есть производные любого национального культурно-исторического развития. Научные теории и концепции, объясняющие, толкующие, описывающие историю России, переполнены политическими, идеологическими субъективизмами, что, пожалуй, неизбежно для гуманитарного знания. К сожалению, над Историей доминирует политическая история.

Собственно же политическая история полна своих противоречий и настоящих разрывов. Н.А. Бердяев, иногда считающийся создателем концепции прерывности отечественной истории, различные этапные периоды прошлого понимал в рамках одной истории. Была Киевская Русь, Русь под монгольским игом, Московская Русь, Петровская и Советская Россия и с надеждой — «будет еще новая Россия» [19, с. 30–32, 39]. В квинтэссенции его понимания лежит то, что «культура всегда гордится... неразрывной связью с великим прошлым. <...> Культура, подобно Церкви, более всего дорожит своей преемственностью. <...> В культуре происходит великая борьба вечности со временем... <...> Культура, в которой есть религиозная глубина, всегда стремится к воскресению» [20, с. 249]. Н.А. Бердяев утверждал, что Россия от Запада отличается тем, что «в ней нет дара создания средней культуры. <...> Для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем относительном и среднем. <...> Так как царство Божие есть царство абсолютного и конечного, то русские люди легко отдают все относительное и среднее во власть царства дьявола. <...> Русские постоянно находятся в рабстве в среднем и относительном и оправдывают это тем, что в окончательном и абсолютном они свободны» [21, с. 25–26]. Отличительные черты, противоречия, крайности национальной истории и культуры выдающийся философ мыслил только в единстве и контексте глубинных культурных оснований.

Без общего культурфилософского контекста замечания Н.А. Бердяева перерастают в политологические концепции, в которых причины, якобы ведущие к прерывности истории (то же отсутствие

срединости в культуре), приобретают не присущее им изолированно-самодовлеющее качество. Отсюда и заключения о неорганичности отечественной истории, неорганическом типе российской цивилизации, противоречиях между воспроизводством культуры и воспроизводством социальных отношений как о сущностных противоречиях самой культуры, когда уже «налицо социокультурная патология, которая требует диагноза и лечения» [22, с. 772, 781].

Поиски ответов следует искать не в привычных схемах, а в нетрадиционных для историографии и философии предложениях. Для Ю.М. Лотмана, например, «русская культура характерна и понимаема не только своей бинарностью, но и своей тернарностью». Это не поиск третьего особого пути, а наложение на христианскую бинарность «народных представлений языческого типа, оправдывающих, приемлющих мир». Это «мир добра, мир зла и мир обычной жизни» [23, с. 163–164]. Как формулировал С.П. Залыгин, политику, любые идеи необходимо умиротворять опытом и культурой народа, приводить их к общему знаменателю национальной жизни [24, с. 405–422]. Склонность к крайностям и чему-то абсолютному есть нутром народным прочувствованное, что лучшее редко находится в середине, не бывает усредненным. Отсюда метания, неуспокоенность. Для жаждущих умиротворения современников — это малоутешительно. Но пожелать культурно-историческому процессу успокоиться, что называется, язык не поворачивается.

Следует определиться, в том числе и в культурологическом анализе, что есть традиционность? Думается, прав В.Б. Земсков: «Культура, ментальность, сознание в каждый момент своего исторического бытия хранят “готовыми” к действию все пласты изначального и позднее созданного: архаическое, традиционное, модерное. Причем все три компонента выступают в многосторонних и разнообразных перекрестных, в зависимости от вариантов развития, отношениях. Это не только отношения противостояния, но и сотрудничества. Срединный член триады — традиционное — это некогда модерное, возникшее из архаики во взаимодействии с инновациями и ставшее срединной нормативностью, “держашей” систему» [25, с. 223–224]. Однако подчеркнем: «нюансы» именно в том, что срединно-нормативное традиционное есть условная культурная, ценностная срединность. Это то, что существует как доминанта, «держашая» систему, являя собой некое «ядро» культурно-ценностной системы, утвердившегося в таком качестве на данном этапе культурно-исторического процесса, срединное не по «балансу» в содержании, а по месту расположения в триаде. Устоявшееся, обретшее статус традиционного — это культурно-ценностный облик об-

щества, цивилизации, их сущность в настоящем. Это — равновесие, сопротивляющееся архаизации, неизменности, неустойчивости, создаваемой не вызревшими стремлениями к модернизации ради модернизации, прежде всего, к изменениям под инокультурным давлением.

В России был один культурно-исторический, да и цивилизационный, разлом — 1917 год, с возвращением, по сути, «на круги своя» с распадом СССР. Предпринималась сознательная попытка порвать с прошлым — «мы родом из Октября». Но при этом советский период своеобразно вписывается в отечественный культурно-исторический процесс. Несмотря на коренную ломку основ социально-экономических и политических отношений, в менталитете, культуре и психологии народа сохранялись и передавались новым поколениям глубинные, веками формировавшиеся представления о приемлемых видах, формах организации жизни и деятельности людей, общества, особенностях взаимоотношений между различными группами населения. Народ в основном спокойно отказался от того, что именовалось социализмом, освобождаясь от поначалу вдохновенных и заманчивых утопических проектов. Дезорганизованная в своих основах культура, аномальная цивилизация не выдержали бы подобного перенапряжения всех национальных сил. Она и ранее бы не выстояла под перманентным напором так называемых органичных цивилизаций, сохраняя заманчивые для многих и ныне огромные пространства и богатства. Советская эпоха являет собой переломный этап истории, не переросший, в конечном итоге, в культурно-исторический разлом. А вот цивилизационный разлом был, который мы так или иначе (и так, и иначе) латаем до сих пор, опираясь на национальный культурно-исторический фундамент.

Мир нашего времени, кажется, начинает отказываться от привычных, представлявшихся вечными схем, утверждая, что и в истории, и в будущем каждое сколь-нибудь значительное государственно-страновое, культурно-цивилизационное образование индивидуально. Оно на особом пути потому, что у него достает сил для сохранения «своего лица». Неорганично, неестественно, губительно стремление к цивилизационному и культурному единообразию. Это доказывает история значительных культурно-цивилизационных явлений прошлого, судьба коммунистического проекта, и уже достаточно выявленная сущность современной программы «демократического» доминирования.

Список источников

1. *Викторов В.В.* Культурология : учеб. пособие. Москва : Вузовский учебник, 2007. 399 с.
2. *Горбунова Л.С.* Постнеклассические практики в условиях «текучей современности» // Постнеклассиче-

- ские практики: опыт концептуализации. Санкт-Петербург : Мирь, 2012. С. 408–416.
3. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Москва : Мысль, 2001. Т. 3. 692 с.
 4. Соловьев С.М. История России с древнейших времен : в 18 кн. Москва : Мысль, 1988–2000.
 5. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. : Курс русской истории. Москва : Мысль, 1989. 398 с.
 6. Бегельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. Москва ; Санкт-Петербург, 2016. 464 с.
 7. Дегтярев Е.Е., Егоров В.К. Интеллигенция и власть : (феномен российской интеллигенции и проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти). Москва : Новая слобода, 1993. 88 с.
 8. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Сочинения. Москва : Правда, 1989. С. 11–344.
 9. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре : Философы русского послеоктябрьского зарубежья. Москва : Наука, 1990. С. 403–433.
 10. Иванов-Разумник Р.В. Что такое «махаевщина»? : К вопросу об интеллигенции. Санкт-Петербург : Изд. С.В. Бунина, 1908. 159 с.
 11. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений : в 10 т. Москва : Правда, 1988. Т. 2. 541 с.
 12. Солженицын А. Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 28–46.
 13. Кондаков И.В. Русская культура : краткий очерк истории и теории. Москва : Книжный дом «Университет», 1999. 356 с.
 14. Каган М.С. Се человек... Жизнь, смерть и бессмертие в «волшебном зеркале» изобразительного искусства. Санкт-Петербург : «Logos», 2003. 320 с.
 15. Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. Т. 2, [ч. 2] : Вера. Творчество. Образование. Москва : Прогресс : Культура, 1994. 491 с.
 16. Ассман Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
 17. Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л.П. Репиной. Москва : ИВИ РАН, 2012. 336 с.
 18. «Понятия о России» : К исторической семантике имперского периода : в 2 т. / под ред.: А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. 576 с. ; Т. 2. 496 с.
 19. Бердяев Н.А. Русская идея. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. 320 с.
 20. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Москва : ИМА-Пресс, 1990. 285 с.
 21. Бердяев Н.А. Судьба России : Опыты по психологии войны и национальности. Москва : Изд-во МГУ, 1990. 256 с.
 22. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта : (Социокультурная динамика России). Т. 1 : От прошлого к будущему. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. 808 с.
 23. Волкова Е.В. Пространство символа и символ пространства в работах Ю.М. Лотмана // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 149–164.
 24. Егоров В.К. Философия русской культуры : монография. Москва : Изд-во РАГС, 2006. 552 с.
 25. Земсков В.Б. Дисбаланс в системе взаимодействия архаическое — традиционное — современное как фактор культурной динамики // Культура в эпоху цивилизационного слома : материалы Междунар. науч. конф. (12–14 марта 2001 г.). Москва : Научный совет по истории мировой культуры РАН, 2001. С. 218–228.

ON THE CULTURAL EXPERT EXAMINATION OF POLITICIZED HISTORY

VLADIMIR K. EGOROV

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119606, Russia

E-mail: vk_egorov@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the problems of continuity in history and in the Russian cultural-historical process. There are discussed the concepts and views, in which preference goes to politics and history in general is politicized. It is stated that Russia is characterized by lack of unity in historical and civilizational development, rational element in culture, and cultural isolation,*

which results in special, often dominant, importance given to radical reformations, revolutionary rifts, breaks of the historical process, lack of continuity in traditions. Along with this, a large importance is given to the reforms of Peter the Great and to the October Revolution of 1917. However, with proper attention to the problems of national culture (which has always been evolving in its own way, but in constant dialogue with other cultures, primarily European), national psychology, peculiarities of interaction between culture and religion, the cultural-historical process appears in a more holistic form, correcting the common unilateral judgments of our past. The article highlights the subjects, in the national cultural-historical process and the political history of the country, related to the principal moments of formation and development of the cultural policy, relations between the church and the state, arts in the imperial (or synodal) period of Russian history.

Key words: history, culture, cultural expert examination, politics, politicized history, art, cultural-historical process, civilization, traditions and innovations, continuity of development.

Citation: Egorov V.K. On the Cultural Expert Examination of Politicized History, *Observatory of Culture*, 2017, vol. 14, no. 5, pp. 532–539. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-5-532-539.

References

1. Viktorov V.V. *Kul'turologiya: ucheb. posobie* [Cultural Studies: tutorial]. Moscow, Vuzovskii uchebnyk, 2007, 399 p.
2. Gorbunova L.S. Post-non-Classical Practices in the Conditions of “Liquid Modernity”, *Postneklassicheskie praktiki: opyt kontseptualizatsii* [Post-non-Classical Practices: A Conceptualization Experience]. St. Petersburg, Mir Publ., 2012, pp. 408–416 (in Russ.).
3. *New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes*. Moscow, Mysl' Publ., 2001, vol. 3, 692 p. (in Russ.).
4. Solovyov S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen: v 18 kn.* [The History of Russia from the Earliest Times: in 18 books]. Moscow, Mysl' Publ., 1988–2000.
5. Klyuchevsky V.O. *Works: in 9 volumes: The Course of Russian History*. Moscow, Mysl' Publ., 1989, 398 p. (in Russ.).
6. Beugelsdijk S., Maseland R. *Kul'tura v ekonomicheskoi nauke: istoriya, metodologicheskie rassuzhdeniya i oblasti prakticheskogo primeneniya v soremennosti* [Culture in Economics: History, Methodological Reflections, and Contemporary Applications]. Moscow, St. Petersburg, 2016, 464 p.
7. Degtyaryov E.E., Egorov V.K. *Intelligentsiya i vlast': (fenomen rossiiskoi intelligentsii i problemy vzaimootnoshenii intelligentsii i vlasti)* [Intelligentsia and Power: (The Phenomenon of Russian Intelligentsia and the Problems of Relations between the Intelligentsia and Power)]. Moscow, Novaya Sloboda Publ., 1993, 88 p.
8. Shpet G.G. The Outline of Russian Philosophy Development, *Works*. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 11–344 (in Russ.).
9. Fedotov G.P. The Tragedy of Intelligentsia, *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture: Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [On Russia and Russian Philosophical Culture: Post-Revolutionary Russian Philosophers Abroad]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 403–433 (in Russ.).
10. Ivanov-Razumnik R.V. *Chto takoe “makhaevshchina”?: K voprosu ob intelligentsii* [What is the “Makhaevshchina”?: To the Question of Intelligentsia]. St. Petersburg, S.V. Bunina Publ., 1908, 159 p.
11. Saltykov-Shchedrin M.E. *Collected Works: in 10 volumes*. Moscow, Pravda Publ., 1988, vol. 2, 541 p. (in Russ.).
12. Solzhenitsyn A. *Obrazovanshchina, Novyi mir* [New World], 1991, no. 5, pp. 28–46.
13. Kondakov I.V. *Russkaya kul'tura: kratkii ocherk istorii i teorii* [Russian Culture: A Brief Essay of the History and Theory]. Moscow, Knizhnyi Dom “Universitet” Publ., 1999, 356 p.
14. Kagan M.S. *Se chelovek... Zhizn', smert' i bessmertie v “volshbnom zerkale” izobrazitel'nogo iskusstva* [Ecce Homo... Life, Death and Immortality in the “Magical Miracle” of Fine Arts]. St. Petersburg, “Logos” Publ., 2003, 320 p.
15. Milyukov P.N. *Ocherki po istorii russkoi kul'tury: v 3 t. T. 2: Vera. Tvorchestvo. Obrazovanie* [Essays on the History of Russian Culture: in 3 volumes. Volume 2: Faith. Creativity. Education]. Moscow, Progress Publ., Kul'tura Publ., 1994, 491 p.
16. Assmann J. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004, 363 p.
17. Repina L.P. (ed.) *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati* [The Crises of Crucial Eras in the Historical Memory]. Moscow, IVI RAN Publ., 2012, 336 p.
18. Miller A., Sdvizhkov D., Shirle I. (eds). *“Ponyatiya o Rossii”: K istoricheskoi semantike imperskogo perioda: v 2 t. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie* [“Concepts of Russia”: Towards a Historical Semantics of Imperial Period: in 2 volumes. Moscow: New Literary Observer]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2012, vol. 1, 576 p., vol. 2, 496 p.
19. Berdyayev N.A. *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2008, 320 p.
20. Berdyayev N.A. *Filosofiya neravenstva* [The Philosophy of Inequality]. Moscow, IMA-Press Publ., 1990, 285 p.
21. Berdyayev N.A. *Sud'ba Rossii: Opyty po psikhologii voiny i natsional'nosti* [The Fate of Russia]. Moscow, MGU Publ., 1990, 256 p.
22. Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta: (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). Tom 1: Ot proshlogo k budushchemu* [Russia: Criticism of Historical Experience: (The Sociocultural Dynamics of Russia). Volume 1: From the Past to the Future]. Novosibirsk, Sibirskii Khronograf Publ., 1997, 808 p.
23. Volkova E.V. The Space of Symbol and the Symbol of Space in Yu.M. Lotman's Works, *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2002, no. 11, pp. 149–164 (in Russ.).
24. Egorov V.K. *Filosofiya russkoi kul'tury: monografiya* [The Philosophy of Russian Culture: monograph]. Moscow, RAGS Publ., 2006, 552 p.
25. Zemskov V.B. The Imbalance in the System of Interaction between Archaic – Traditional – Modern as a Factor of Cultural Dynamics, *Kul'tura v epokhu tsivilizatsionno-go sloma: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (12–14 marta 2001 g.)* [Proceedings of the Int. Sci. Conf. “Culture in the Era of Civilizational Breaking” (March 12–14, 2001)]. Moscow, Nauchnyi Sovet po Istorii Mirovoi Kul'tury RAN Publ., 2001, pp. 218–228 (in Russ.).